

РАБОЧАЯ ГАЗЕТА.

Воскресенье.

Иллюстрированное приложение к № 117.

23 июля 1922 г.

ВЛИПЛИ МУХИ!..

Рис. худ. Ив. Малютина

И. М. 922

Только черновская жужелица еще летает!..

Честный уговор.

I.

Почтенные коммерсанты ехали после обеда на автомобиле за город. Обыкновенный рабочий ехал после работы на велосипеде домой.

Произошло столкновение. Велосипед сломался. Автомобиль попортился. Рабочий ушибся. Коммерсанты разозлились.

Шоффер выругался и убежал.

— Свиньи вы! — сказал укоризненно рабочий. — Ведь нарочно наехали? Трогал я вас?

— А ты не раз'езжай в другой раз! — сердито сказали коммерсанты. — Ишь, ездок какой выискался. Да что там разговаривать с ним: бейте его, господа!..

Рабочий сжал кулаки и ответил:

— А ну, тронь!..

Коммерсанты осадили назад и проворчали:

— Нахальный какой-то. Поглядим, далеко-ль ты на своем самокате уедешь? Поглядим!..

II.

Почтенные коммерсанты пыхтели над испорченным автомобилем. Рабочий возился над поломанным велосипедом.

Время шло.

Когда времени прошло много, а толку не вышло никакого, коммерсанты окликнули рабочего:

— Эй, ты, как, бишь, тебя... братец! — На-кося сюда-то!

— Опять драться хотите? — спросил рабочий.

— Зачем драться... Что в ней хорошего, в драке-то? Для твоей же пользы зовем: ты нам поможешь, а мы тебе... Ладно?

Рабочий сказал:

— Чтож: по хорошему, так по хорошему. Без меня вам тоже машины своей не наладить... Английский ключ у вас есть?

II пошел к автомобилю.

Но коммерсанты замахали руками:

— Поймай с ключем: обожди!.. Поодаль останись: сначала договориться надо, как и что. Уговор, братец, лучше денег.

III.

— Ну-с? — сказал обыкновенный рабочий.

— Дело ясное, — сказали почтенные коммерсанты. — Во-первых строках: наличные деньги есть?

— Да вам-то что? — удивился рабочий.

Что то будет?

Быстро день за днем летит

В думах о процессе.

Потерял я аппетит.

Сократился в весе.

Ах, процесс идет к концу

Видно по отчету.

Слезы льются по лицу,

На душе забота!..

Коммерсанты строго насупились:

— Больно-брат, любопытен. Ты на вопрос отвечай. Много ль наличных-то?

— Откуда ж! — вздохнул рабочий. — Ну, наскребется пятишника...

— Ладно: ее в задаток отдашь! На остальное вексель подпишешь: подождем за тобой. Давай, покуда, пятерку!

— Обождите... Это за что же? — спросил рабочий.

— А за порчу автомобиля. Об тебя же испорчен, да ты же и спрашиваешь? С кого же нам убытки искать?

— А мои-то убытки? — сказал рабочий. — Вы же на меня налетели, вы же мой велосипед изломали, да вы же...

— Поймай... Твоя речь впереди! Отвечай на вопросы. Жена-дети есть? Пришлешь: пусть месяц-другой отработают. Но это — ссобь статья, а возмещение убытков само собой. Кроме того, подписку дашь, чтоб на велосипеде тут не раскатывать. Не велик барин и

пешком пойдешь, — ноги не отвалятся! А велосипед сюда подавай! может, он и не твой, может ты за него не все выплатил?.. Ну-с, — согласен на честный уговор, тогда и ссоре конец. Подходи: поможешь машину починить!

Рабочий похлопал глазами и плюнул:

— Тьфу... Да вы трезвы или как?..

Почтенные коммерсанты развели руками... И крикнули:

— Н-да! Ну, и упрям! Поди-ка, столкнись-ка с этаким!..

IV.

Рабочий долго чесал в затылке и думал:

— Собственно говоря, это что же такое?! Как же это называется?!

По нашему, это называется коротко:

— Наглость.

А „по ихнему“, — немножко длиннее:

— „Гагская Конференция“.

Рассказы из русской истории.

Г А А Г А

.... После Генуи настала Гаага.

Почему, собственно, она настала — трудно объяснить. Мнений ученых на этот счет так мало, что они даже не расходятся.

Повидимому, в Генуе не совсем договорились и не сполна наговорились. Да и как могли? Там был такой базар, что нашей Трубе спрятаться впору. Сговаривались неизвестно кто, с кем, о чем и на чем. Под общий шум, присев в уголку (Рапалло), Россия и Германия заключили единственный дельный договор, что еще больше увеличило скандал и сутолоку. Драка была неизбежна, но в тесноте нельзя было высвободить даже ногу или руку. Представитель Мексики, еле пробравшийся к Чичерину для передачи ноты, застал возле него Ллойд-Джорджа, держащим Наркома за одну пуговицу, Барту — за другую, Вирта — за третью и короля — за четвертую. Пятая была оторвана журналистами на память, а больше свободных пуговиц не оказалось — изволь вести переговоры!

Для пользы дела решили по русскому обычаю разбиться на секции. Первая секция и поехала в Гаагу.

Едучи в Гаагу, каждый был себе на уме.

Наши думали:

— Черт их раздери. Может быть, дадут денег? Деньги нужны, ради них не лень лишиться раз и с'ездить. В Сибирь за хлебом ездили, отчего бы и в Гаагу за валютой не поехать.

Иностранцы тоже надеялись:

— В Генуе, при большой публке, большевики ломались, держали марку, не уступали.

Тут мы их в тиши, на просторе припрем к стенке, авось, другое запоют.

Гаага — город ничего себе. Мосты, каналы, сыру много, какао, частые дожди. Хороший городок.

Первым в Гаагу на конференцию прибыл Дмитрий Павлович.

Молодым читателям поясню: Дмитрий Павлович Романов. Из тех, кто в древности правили, именуясь царями, Россией. Оставшись один от всей их обильной семьи, он провозгласил себя претендентом на русский престол, то есть человеком, который не прочь поцарствовать, если другие не возражают.

Простоватому Дмитрию Павловичу кто-то сказал:

— Все люди, как люди, все короли, как короли. Одни вы зря шатаетесь. Поехали-бы в Гаагу на русскую конференцию. Ездил ведь Виктор-Эммануил в Геную...

Митя Романов решил исполнить свой долг перед народом. Приехав ночным поездом в Гаагу, он не вылезал из гостиницы до следующего вечера, когда должно было открыться заседание во дворце Мира.

Подойдя к под'езду, он грозно спросил:

— Швейцар! Что, конференция началась?

— Началась, барчук — ответил простодушный голландец.

— И большевики уже заседают?

— И они, сердешные. Вас на хоры пропустить прикажете?

— Нет. Я уж пойду. У меня времени мало хмуро ответил претендент и бегом пустился к вокзалу.

«Новое Время» сообщало:
«Вчера великий князь Дмитрий Пав-

лович был торжественно принят в Гааге. На ступеньках дворца он был встречен почетной охраной»...

Разговоры на конференции были трудные.

— Какие же кредиты вы можете предоставить России? — добивался Литвинов.

— Что там кредиты... Кредиты — пустяки, — небрежно отмахивались иностранные эксперты: — мы о кредитах какнибудь потом. Вы нам лучше расскажите о ваших концессиях.

Сокольников горячился:

— Мы ведь уже говорили, что можем предложить концессии на нефть, руду, золото, уголь, лес. Но надо же нам знать, какие денежные займы мы получим взамен!

— Видите-ли.. Что касается денег, то у нас, по правде говоря, нет мелких, — с запинкой объяснил Ллойд-Гримм.

— Ну, пустяки. Дайте крупными. Сходим на Кузнецкий в Госбанк и разменяем.

— В том-то и затруднение, что у нас и крупных нет, — сконфузились иностранцы.

Наступило (15 июля 1922 г.) неловкое молчание.

— Знаете что? — с искусственным оживлением сказал французский эксперт граф де Шевильи: — чтобы долго не спорить, возвратите нам пока все национализированные рудники, фабрики, заводы и земли. А кредиты мы вам как-нибудь уже — когда деньги будем иметь.

— Знаете что? — ответил Раковский: — у

Валаамова ослица.

«Защитница» эс-эров гр. Орлова, не проронившая ни одного слова.

нас в Украинской Социалистической Советской Республике есть поговорка: «уси наши дурни вмерлы, а яки остались, уси загроманыцю втикли».

— Н-да... — грустным хором отозвались иностранцы и стали укладывать чемоданы.

У каждого дипломата есть чемодан, чтобы при случае было что укладывать.

Кандид

Валютным и солнечным неповским
днем

Под сенью прохладной декрета
На новой скамейке уселись вдвоем
Рабочий и непман отпетый.
Рабочего солнце в макушку печет,
Рабочему больше нет мочи

А непман, как тесто, течет и течет
И выжить рабочего хочет.
Рабочий! Скамейка — на долгие дни!
Смелей отвоевывай место.
Законом и спайкой, как шилом
кольни
В буржуйское рыхлое тесто!..

В. К.

КВАРТЕТ.

(Почти по КРЫЛОВУ).

Рис. худ. М. Черемных.

Литвинов — соловей: А вы, друзья, где ни садитесь, все в музыканты не годитесь!..

(РАССКАЗ).

Шесть дней в неделю захудалый городок дремал на солнцепеке своими серыми домишками, длинными заборами, палисадниками, огородами; дремал запыленный чахоточный бульвар, носивший официальное название сквера „Липки“, а в просторечии названный почему-то „Брехалкой“; дремал, стоя на посту, на базарной площади, милиционер и в дремотной лени развлекался раскопками в своем собственном шишковатом носу; дремала свинья с поросятами, погрузившись по самое рыло в лужу, украшавшую главную улицу городка, дремала—и в истоме сладостно похрюкивала.

В единственном каменном доме, с выцветшим, когда-то красным, а теперь буро-желтым флагом, с вывеской, объявлявшей редким прохожим о том, что здесь центр уездной власти и политической мысли, в этом единственном доме стрекотали нанеребой шесть дней в неделю две машинки, и две машинистки, Манечка и Анечка, предмет воздыханий уездной молодежи, трудились на пользу Советской Республики шесть дней в неделю. И шесть дней в неделю, тоже для пользы Республики аккуратно в одиннадцать приходили советские служащие, скрепели перьями, строчили отношения и резолюции, хлопали печатями и к полудню оковчательно балдели от зноя, от сонной одури, от мух...

Но был, во всем городке, а может быть, и в во всем уезде, один человек, товарищ Салазкин, который не только не поддавался общей спячке, но и мужественно ей противоборствовал. Он был сапожником, но суть дела не в его профессии, а рвавшейся из его хилого, тщедушного тела кипучей энергии, которую он проявлял при всяком подходящем и неподходящем случае.

Стоит ли рассказывать о том, как он в самый сонный час дня, когда Манечка и Анечка клевали носами над ремингтонками, являлся, грозный и обличающий, в Совет и своим хриплым голосом язвительно спрашивал:

— Что, саботируете, барышни?

Рассказать ли о том, как он однажды остановил на сквере „Липки“—„Брехалка“ тож!—какого-то ненароком залетевшего в городок комиссара в галифе пузырями и проскрипел:

— На этаких пузырях, товарищ, полететь можно. Только гляди в Чеку залетишь!

Нужно ли рассказать о том, как он утащил револьвер из кобуры задремавшего на посту милиционера, а потом разбудил его криком:

— Руки вверх!..

И когда милиционер оторопел и поспешно поднял к небу обе свои руки, товарищ Салазкин с горьким укором бросил ему:

— Эх, ты страж Республики,—ворона ты, а не страж!..

И так весь день и все дни, наводя страх на нерадивых, старался товарищ Салазкин растратить свою энергию, которая душила его своим избытком и которой он не находил применения.

— Эх,—говорил он,—глубоко вздыхая, разве мне в этой дыре место... Мне бы вот в столицу поехать, в Москву, так я бы там... Э-эх!..

Так и не договаривал до конца Салазкин, чтобы он такое сделал в Москве, а только взмахивал руками, как крыльями, и принимался бранить свой городишко такими выкрутасами, что его слушатель только глазами моргал да отплеывался.

Каждый седьмой день в неделе, воскресенье, был базарным днем.

На базарную площадь съезжались из всех окрестных деревень возы с мукой, с овощами, с курами, с гусями, со всякой живностью. Рундуки расцветались ситцами и кумачем; кругло желтелились глиняные горшки на обочинах деревянного тротуара, расставленные окрестными гончарами. Наяривали гармошки, дудели дудки, заунывно пели нищие.

Городок просыпался...

В один из таких дней Салазкин бродил по базару, совсем не подозревая, что этот день сыграет значительную роль в его жизни, и что именно в этот день он найдет свою постоянную точку. Он только было сцепился с главным вапманом городка, торговцем Бородулиным, заполнившим своим широким, расплывшимся, как квашня, рыхлым телом дверь своей сапожной лавки, как вдруг увидел мужика с петухом под мышкой.

Нет, это был не петух. Разве обыкновенные петухи бывают такими. Это

был яркохвостый молодец, с задорным налившимся кровью гребнем, с круглыми огненными глазами, и остановившись перед ним в восхищении Салазкин, заложив руки в карманы, произнес:

— Вот так орел. Не петух, а Робеспьер. чорт его возьми!..

— Оно точно, Либисьер,—подтвердил мужичишко,—бойцовый петух!..

Он опустил петуха на землю. Петух расправил крылья, наклонил голову на бок, иронически посмотрел на Салазкина и неожиданно заорал на всю площадь:

— Ку-ка-ре-ку!

— Генерал, одно слово,—с восхищением произнес мужик.

— Врешь,—строго отрезал его Салазкин,—генералы все биты, генералам нынче как. Это, брат, Робеспьер, вот кто он.

— Эге, Либисьер, правительво,—поддержал мужик. Либисьер, поди, всякого генерала за пояс заткнет.

Мое перо слабо, чернила бледны и воображение хило, чтобы описать какой вихрь, какой фейерверк мыслей взметнулся в голове Салазкина в это мгновение. Он вспомнил, что Бородулин, с которым он только что ругался и которого ненавидел, скупает бойцовых петухов, что каждое воскресенье под вечер он устраивает у себя во дворе петушинные бои и что бородулинские бойцы славятся на весь уезд. Он вспомнил, как Бородулин до революции держал в кулаке всю городскую бедноту, как он, Салазкин, простаивал у него часами в кухне, с шапкой в руке, дожидаясь, пока Бородулин вышлет ему трешницу, как Бородулин снова начал забирать в свои лапы всех сапожников, измываясь над ними, как на прошлой неделе Бородулин „скрутил“ ему Салазкину, 5 миллионов, придравшись к незначительному браку, вспомнил все это и, погрозив кулаком в сторону сапожной лавки, воскликнул:

— Ну, теперь, держись, буржуй. Посмотрим, чья возьмет!..

А мужик, между тем, вторил:

— Настоящий Либисьер, без мошенства. Купи, товарищ.

— Сколько — задыхаясь спросил Салазкин.

— Шесть лимонов.

— Да ты одурел, что ли. За петуха шесть миллионов.

— Петух, петуху рознь. Рази это петух. Сам говоришь — Либисьер.

— Три дам.

— Три-и,—презрительно произнес мужик и, схватив петуха, взял его под мышку. — Три-и... видал ты когда бойцовых петухов-то? Купец Бородулин семь отвалит, не то что шесть. Он всех петухов скупает. Сем-ка я пойду к Бород...

Мужик не договорил, как Салазкин вырвал из его рук петуха и сунул ему 6 миллионов.

— На прорва, жри мою кровь. Случай такой, политика,—пробормотал Салазкин и, широко шагая почти бегом, пустился с базара домой.

Всю ночь Салазкин ворочался на своей скрипучей кровати и только под утро забылся тревожным сном. Но не успел он как следует заснуть как его разбудил звонкий крик жены:

— Вставай, гляди, чорт носатый, что твой петух наделал! Эх ты, господи, беда какая. А...

Щурясь от яркого утреннего солнца, вышел Салазкин во двор. Весь двор был усеян перьями, а два голландских

петух Салазкина, гордость курятника, лежали окровавленные и недвижные у забора. Виновник всего этого побоища, бойцовый петух, сидел на заборе и, хлопая крыльями, сообщал всему миру о своей победе, торжествуя горлавно:

— Ку-ка-ре-ку.

— Образина ты носатая. Шесть миллионов на такого разбойника ухнул... Голова моя несчастная. Зарезать его надо, скандалиста, сейчас зарезать, — причитала жена Салазкина.

А Салазкин, не слушая воплей жены, умиленно глядел на петуха и шептал с восторгом:

— Вот это Робеспьер. Герой, а не петух. Петя, Петя, Петенька.

— Зарезать этого злодея! — продолжала вопить жена.

— Тебя зарезать надо, толстопятая, — рассердился Салазкин. — Что ты понимаешь? Тут политика, интерес Республики, а ты — зарезать!..

В воскресенье вечером, после базара, Салазкин пришел к Бородулину.

И пришел он не как обычно, с черного крыльца, а с парадного хода... Пришел гордый, с значительным и строгим лицом, держа петуха под мышкой.

— Желаю сражаться, — сказал он. — Ставь купчина, против моего пролетарского петуха лучших твоих бойцов. Увидим, чья возьмет!

Бородулин запустил свою жирную лапу в бороду, усмехнулся и ответил: — Как будет твоему петуху, даром что он пролетарский. Согласен, выпускай!

Во дворе Бородулина была огорожена досками площадка.

Там уже, стоя и сидя, собрался в круг народ, все базарные торговцы, любители петушиных боев. Салазкин выпустил на круг своего петуха, на спине которого красовалась лента с надписью:

— Пролетарий.

Огненно-рыжий петух Салазкина расправил перья и, гордо выступая, зашагал по арене.

Приказчик Бородулина выпустил на арену черного петуха, который был вдвое крупнее бойца Салазкина и на спине которого была лента с надписью: — Купечество.

Публика заволновалась. Молодой купчик в клетчатых штанах и в сиреновом галстуке, громко крикнул:

— Ставлю десять лимонов за бородулинского. Кто против?

— Купечество возьмет, — раздались возгласы со всех сторон.

Почти никто не ставил за „Пролетария“...

Бородулинский петух начал атаку. Он сразу, без всякого предисловия, налетел на „Пролетария“ и клюнул его в голову. Огненные перья „Пролетария“ покрылись кровью, и он побежал во круг арены.

Салазкин присел на корточки и, чуть не плача, зывал к петуху:

— Голубчик, Петенька, не выдай. Петенька не осрами пролетариат всех стран света. Бей подлую буржуазию!

— Как же так, — злорадствовал Бородулин. — Сдрейфил твой пролетариат. Выкуси-ка!

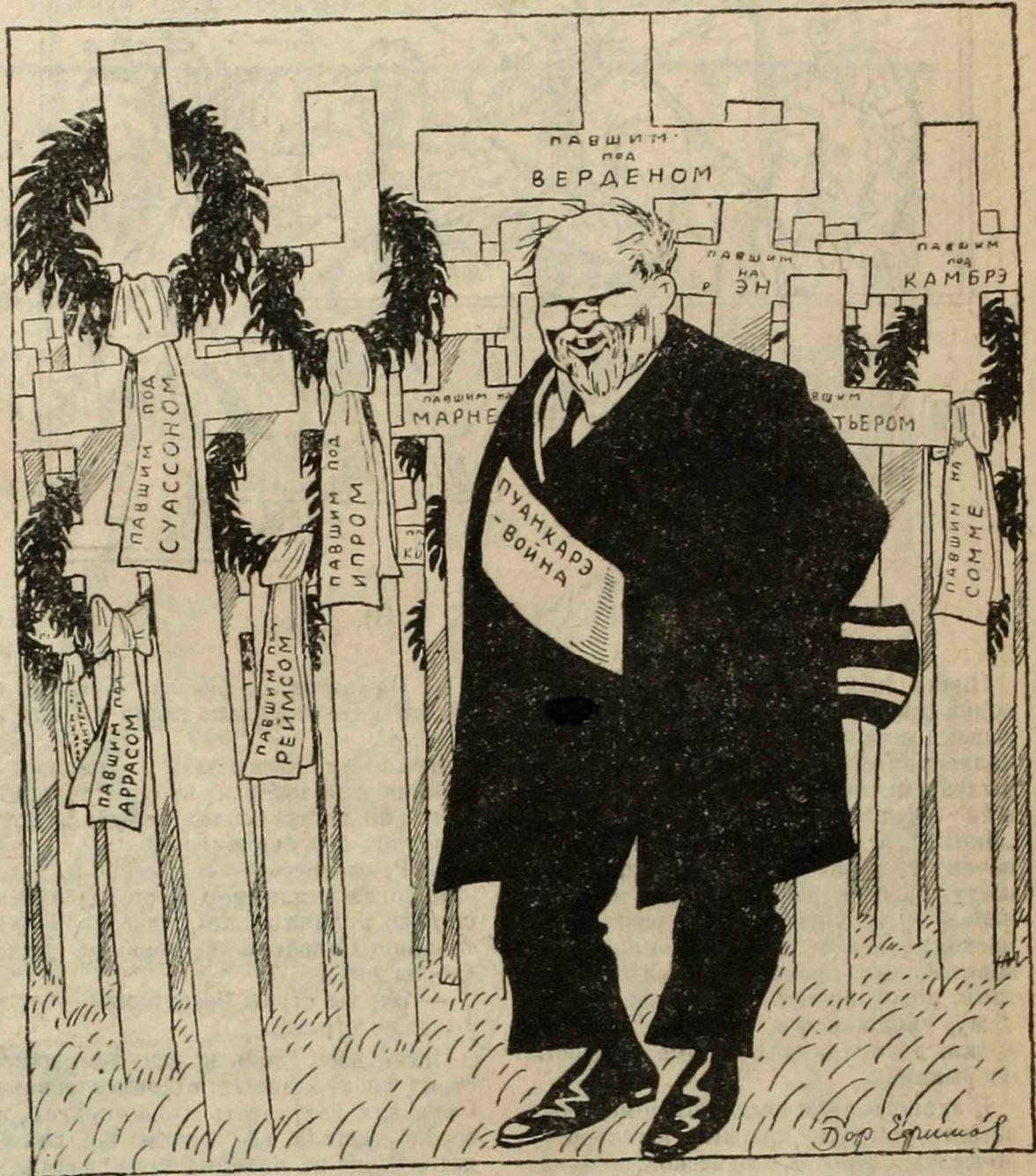
— Петенька, политика. Ах Петя, — продолжал зывать Салазкин.

Обежав два раза круг „Пролетарий“ неожиданно повернул назад и, раскрыв крылья, бросился на бородулинского черного петуха.

Человек, который смеется...

Рис. Бор. Ефимова

Во Франции вызвал большое возмущение Паункаре, улыбающийся во время посещения кладбища павших воинов. (Из газет).

За этих я спокоен! Они мне демонстрации не устроят!..

— Так, Петя, бей контр-революцию! — захопал в ладоши Салазкин.

„Пролетарий“ перепрыгнул через черного петуха, клюнул его раз, другой и полетели черные перья от его ударов. Он снова перепрыгнул по другую сторону, ударил шпорами и клювом по голове черного петуха и свалил его на землю. Все было кончено. Бородулинский петух лежал в крови и дергал ногами.

— Да здравствует пролетариат! — вы-

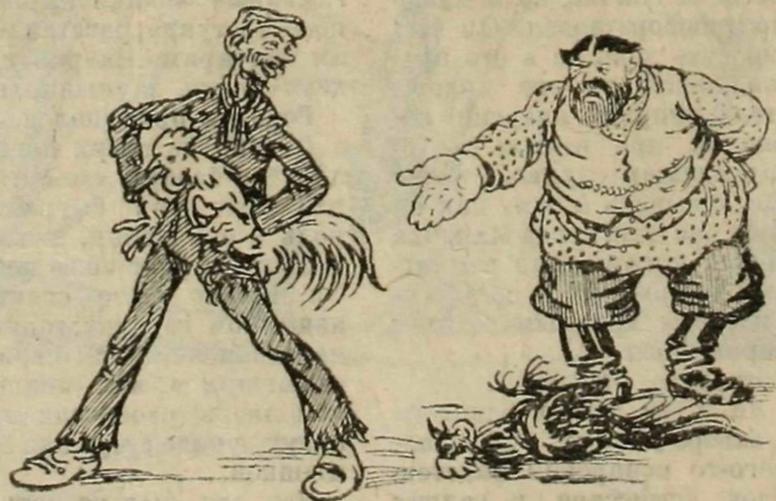
крикнул Салазкин, хлопая в ладоши.

— Ку-ка-ре-ку! — ответил ему петух.

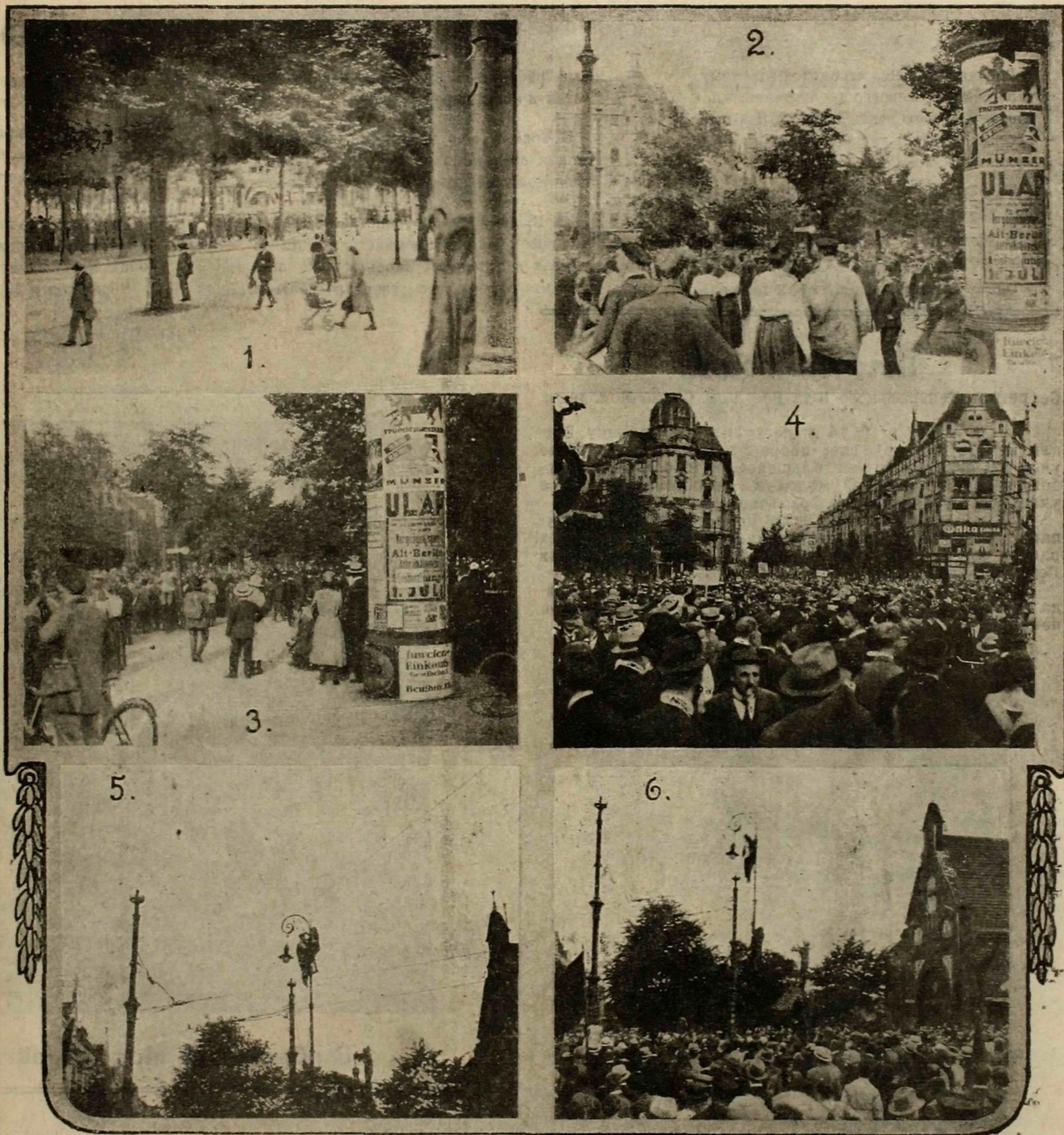
Салазкин шел по улице полный гордого чувства отплаты за все унижения и издевки, а петух, поглядывая на него своим круглым глазом, раскрывал свой клюв, с прилипшим к нему окровавленными черными перьями побежденного противника, точно готовясь крикнуть торжественно всему свету:!

— Ку-ка-ре-ку!

Як. Окунев.

К событиям в Германии.

1) Шествие демонстрации по Курфюрстен-дамм, 2, 3 4) на площади Генрих-Пляц, 5 и 6) Рабочий вешает чучело Людендорфа на площади Генрих-Пляц. — Висящее чучело.

Убийство германского министра Ратенау, совершенное германцами—монархистами, дало новый толчок развитию классовой борьбы в Германии.

Обнаглевшие монархисты грозили продолжать террористические убийства.

Рабочие ответили на убийство рядом массовых демонстраций в разных городах Германии.

Между двух огней стоит меньшевистское правительство Эберта. Против него наступают монархисты. Но оно боится решительной борьбы с реакцией, боится опереться на революционных рабочих. Оно шатается, как маятник, то вправо, то влево.

Германский котел снова забурлил...

На этих снимках изображена грандиозная демонстрация в Берлине в день похорон Ратенау.

ПЯТЬ ЛЕТ

(1917)

Рабочий класс стремится к тому, чтоб воспитать своего коллективного наследника—свою молодежь. Есть и у русских рабочих такой наследник: Коммунистический Союз Молодежи.

Теперь он празднует пятилетие со дня рождения.

В июле 1917 г. родился Союз в Москве, месяц спустя—в Питере.

Одновременно организовались моло-

дые рабочие и крестьяне десятков и сотен других городов и сел.

В Москве еще до Октябрьской революции союз рабочей молодежи прошел свое политическое крещение.

За 10 дней до победного восстания молодые рабочие демонстрировали на улицах и площадях Москвы под знаменами союза свою твердую волю и

ненависть к власти буржуазно-шовинистско-эсеровской

В самые октябрьские дни проявила такую бодрость и веру в победу, что заставила восторгаться старых рабочих.

Резолюция молодежи выступления послужила сигналом для рабочих Москвы. Через год в Москве

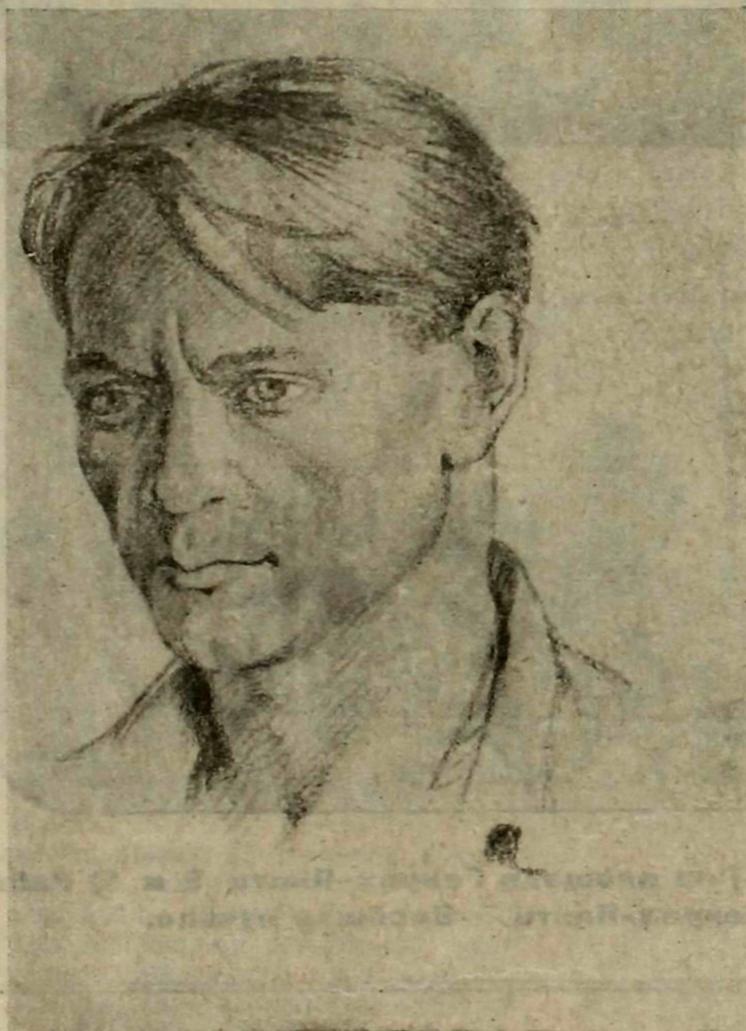
Петр Смородин.

Секретарь Центрального К-та Рос. Ком. Союза Молодежи.

Род. в 1897 г. С 14 л. поступил на фабрику Шаплыгина (в Питере), где, проработав 5 лет в качестве ученика, стал инструментальщиком. В 1916 г. начал работу в кружке рабочей молодежи. Принимал активное участие в организации февральского переворота.

Вскоре избирается членом Петросовета. 1 мая вступает в петроградскую организацию Р. С. Д.-Р. П. ведет работу среди молодежи и избирается затем в состав Петроградского Комитета Р. К. С. М.

В 1918 г. т. Смородин во главе партизанского отряда отправляется на фронт для борьбы с оккупационной немецкой армией.

На фронте т. Смородин пробыл два года, где за боевые подвиги был представлен к ордену „Красного Знамени“.

На 3-м съезде Р. К. С. М. проходит в Ц. К., продолжая работать в П. К. Последнее время работает в Центральном Комитете Союза.

В образцовой Московской школе

съезду (1919 г.) выросло до 90 тысяч, а к III-ему (1920 г.) перевалило за 400 тысяч.

Теперь Комсомол—самая сильная в мире организация трудящегося юношества—ядро коммунистического Интернационала молодежи.

Комсомол родился под грохот и лязг гражданской войны, и в ее купели принял свое боевое крещение.

Кто из рабочих, побывавших на фронтах, не знает, что всюду в первых ра-

дах про
Комсом
сятки т
бочего
ло прол
знамя
Когда
работы
получил
ей пря
нистиче
всестор

ОМСОМОЛА.

922)

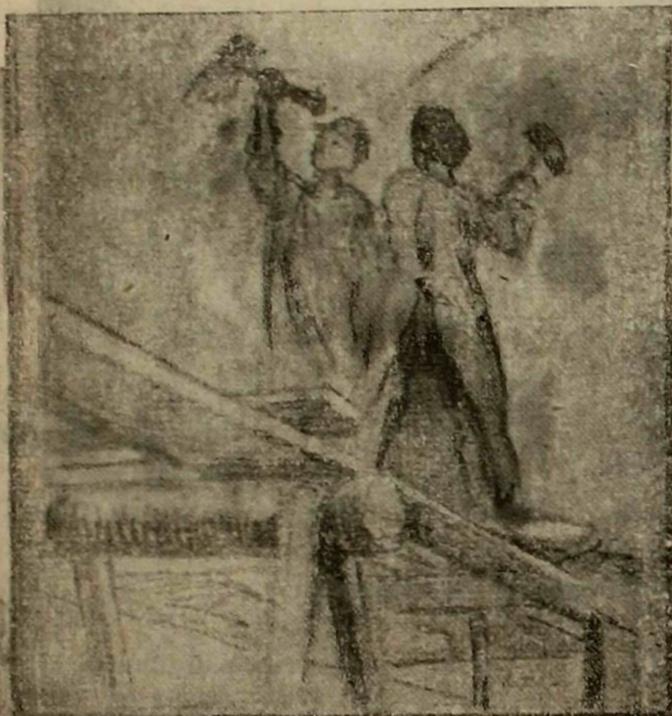
и мень-
лодежь
ность и
взрос-

имости
их рай-
нию.
всерос-

сийский съезд союзов рабочей и крестьянской молодежи, создавший единую для всей Советской России организацию и давшей ей имя Р. К. С. М.—Комсомол. Это имя за пять лет стало близким и понятным каждому молодому рабочему.

Со времени I-го съезда Комсомол двинулся вперед в семимильных сапогах.

С 22 тысяч число его членов ко II

рично-заводского ученичества.

дрались и умирали
ды войны унесли де-
ей лучших детей ра-
кровь павших за де-
только ярче загля

„передышка“, полоса
, Комсомол, наконец,
ость обратиться к сво-
. Он занялся комму-
итавием своих членов,
готовкой из них буду-

щих строителей и борцов. По всей Рес-
публике, до самых ее заброшенных
уголков, РКСМ развернул десятки ты-
сяч кружков, клубов, курсов, студий,
читален, в которых рабочая молодежь
кует оружие нашей победы — верное
классовое самосознание. Комсомол не
устаёт посылать все новые отряды на
рабфаки, командные курсы, советские,
и партийные школы. В деревне ячейка
Комсомола — зачастую единственный
очаг коммунистического просвещения.

Зарисовки худ. Аксельрода.

Ефим Цетлин.

Член Ц. К. Коминтерна Молодежи, член Ц. К. и М. К. Р. К. С. М.

Один из основателей Комсомола, председатель I-го
всерос. съезда союзов рабочей и крестьянской молодежи.
До III Съезда Р. К. С. М. работал непрерывно в Ц. К.
с III съезда руководил работой московской организации;
в настоящее время работает в Коминтерне Молодежи.

Но одновременно РКСМ ведет работу
и по другой линии. Переход хозяйства
на новые начала больно ударил рабо-
чую молодежь.

Она сократилась численно, и ее по-
ложение ухудшилось. Комсомол руко-
водит борьбой за сохранение молодой
части рабочего класса, за улучшение ее
положения, за ее промышленно-трудо-
вое образование. В создании уже суще-
ствующих 500 школ фабрично-завод-
ского ученичества, главная роль при-
надлежит Комсомолу, и не меньшую он
сыграет в строительстве новых.

Каждый сознательный рабочий дол-
жен гордиться своим крепнущим на-
следником. Каждый рабочий и россий-
ский пролетариат в целом должны сде-
лать все, что могут, чтоб облегчить и
ускорить этот рост.

М. Зорний.

Рабочее движение за-границей.

В. Дублине.—Бой между повстанцами и правительственными войсками.

125.000 американских рабочих на демонстрации против политики «открытых мастерских».

События в Дублине.

6-го декабря 1921 г. состоялось соглашение между английским правительством и буржуазными кругами Ирландии.

На основании этого соглашения, Ирландия получает права и обязанности «доминьона», т.е. британской колонии, совершенно автономной, но под скипетром английского короля.

Рабочие, воодушевленные совершенно другими идеями против договора 6-го декабря. В Ирландии образовалось два лагеря: на одной стороне стоят сторонники временного ирландского правительства, которое официально именуется правительством свободного Ирландского государства, а на самом деле является орудием британского империализма. В другом лагере находятся все революционные элементы страны: республиканцы, социалисты, коммунисты!

Открытое восстание началось 29-го июня, когда ирландские республиканцы захватили здание суда в Дублине и отказались уступить его правительству. Самые крупные города попали в руки республиканцев и в настоящее время всюду кипит гражданская война.

Рабочее движение в Америке.

Картина изображает грандиозную манифестацию (свыше 125 тыс. чел.) протеста против политики «открытых мастерских».

В Америке под этим названием американские капиталисты проводят целую систему разрушения профессиональных союзов. Делается все, разумеется, под лозунгом «свободы». Капиталисты требуют, чтобы всем рабочим как организованным, так и неорганизованным было предоставлено право работать по «свободному» соглашению с хозяином. Вмешательство профсоюза объявляется «тиранией» и «насилием» над «свободным» работником. «Мастерские», говорят капиталисты должны быть «открыты».

Рабочие союзы, разумеется, отстаивают другую тактику. Капиталисты воспользовались кризисом и безработицей, чтобы сломить целый ряд союзов и таким образом «открыть» свои фабрики всем неорганизованным рабочим и штрейкбрехерам.

МЫ И ЗА-ГРАНИЦА.

Прибытие германских паровозов.

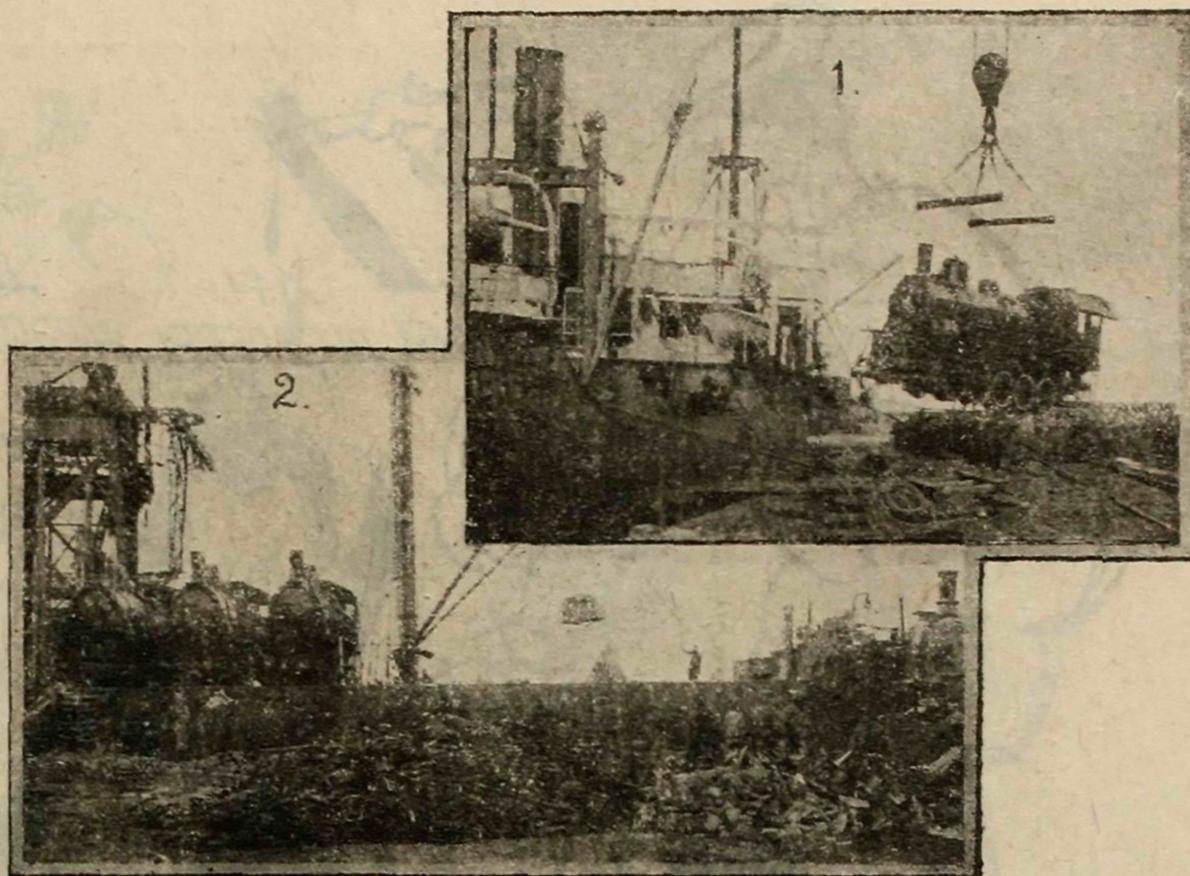
Фот. Петра Оцуна.

Без России ни одна страна жить не может. Как бы не пыжились наши враги, они должны будут связаться с нами и завести правильные сношения.

Столковаться с объединенным капиталом нам не удалось в Генуе, не удастся, по видимому, и в Гааге. Капитализм, в сообществе с своими собратьями, умеет глядеть на нас только волком. Но он становится очень мирной и услужливой овечкой, когда он остается наедине с своими грустными мыслями о неизлечимой разрухе в своей стране, если не завяжет дел с Россией.

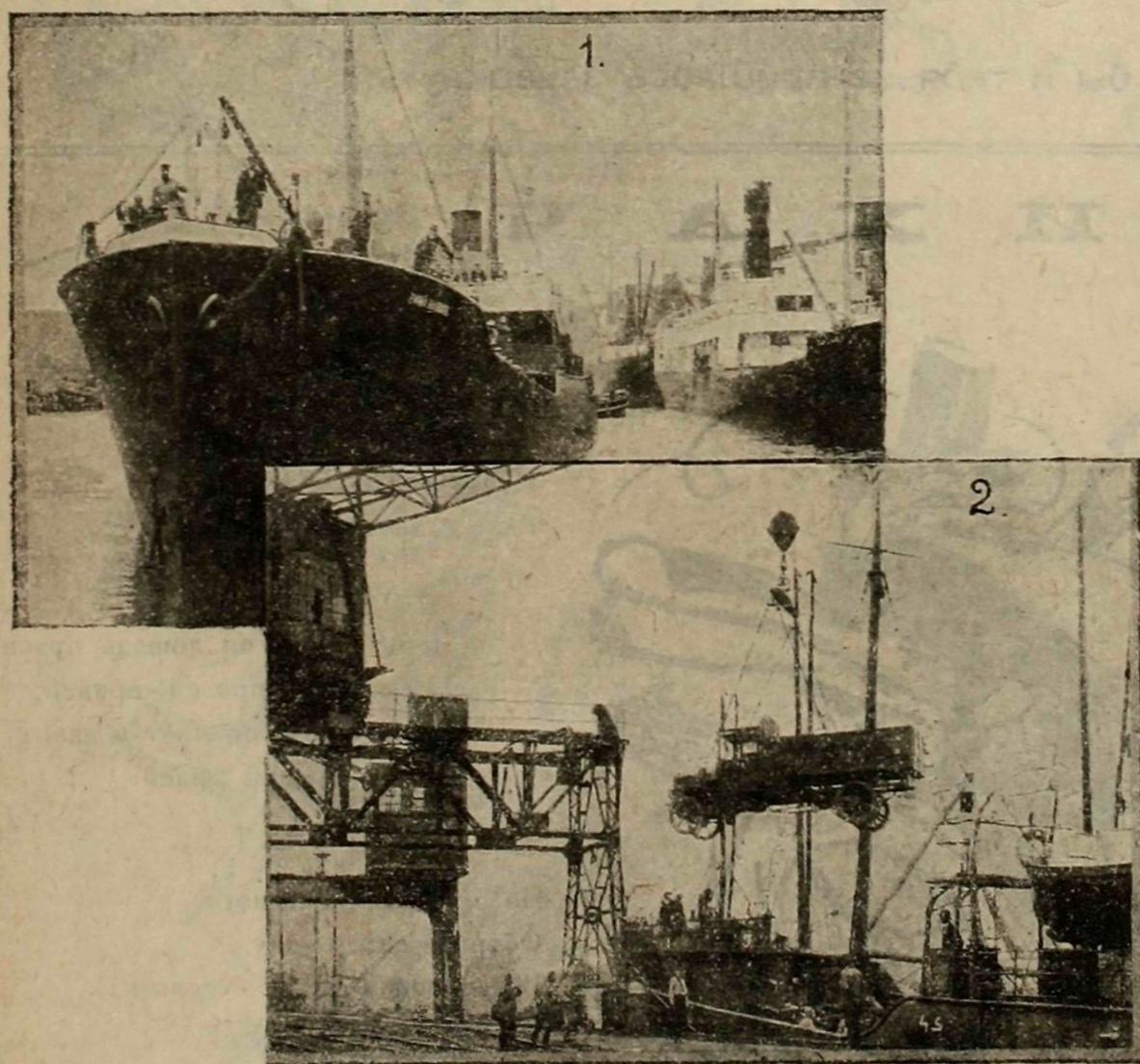
Как бы не кончилась Гаага, мы можем с уверенностью сказать, что это не последнее слово в области наших внешних сношений.

Давно ли Германия еще упрямо топорила. А сейчас мы представляем читателю снимки с прибывших в петроградский порт паровозов из той же Германии.

1) Паровоз разгружается с парохода при помощи подъемного крана;
2) Паровозы на платформе.

Прибытие парохода с грузом для голодающих.

1) Разгрузка парохода; 2) Грузовик на подъемном кране.

И нет никакого сомнения в том, что нашему Рапалльскому договору с Германией суждено стать образцом, которого государства будут в будущем держаться при заключении договоров с нами.

Врагов толкает на сближение с нами их „коммерческий интерес“.

Иначе обстоит дело с друзьями...

Узы международной пролетарской солидарности крепнут с каждым днем.

Читателям „Рабочей Газеты“ известно, как много заграничные рабочие делают для оказания помощи нашим голодающим. Не только доставкой продовольствия, но и присылкой орудий производства, они приносят неоценимую помощь восстановлению нашего хозяйства.

На рисунке изображен прибывший пароход „Эмма Хаубусс“, подарок германских рабочих русским братьям по труду.

Кроме продовольствия для голодающих, на борту тракторы, земледельческие машины и орудия, грузовые и легковые автомобили и т. д. Подъем одного из грузовиков представлен на соседнем снимке.

Эта помощь нам вполне обеспечена. Советская Россия вступает в связь с за-границей на радость друзьям и против воли врагов.

Против этого ничего не поделаешь, ибо история всегда была с теми кто шел вперед.

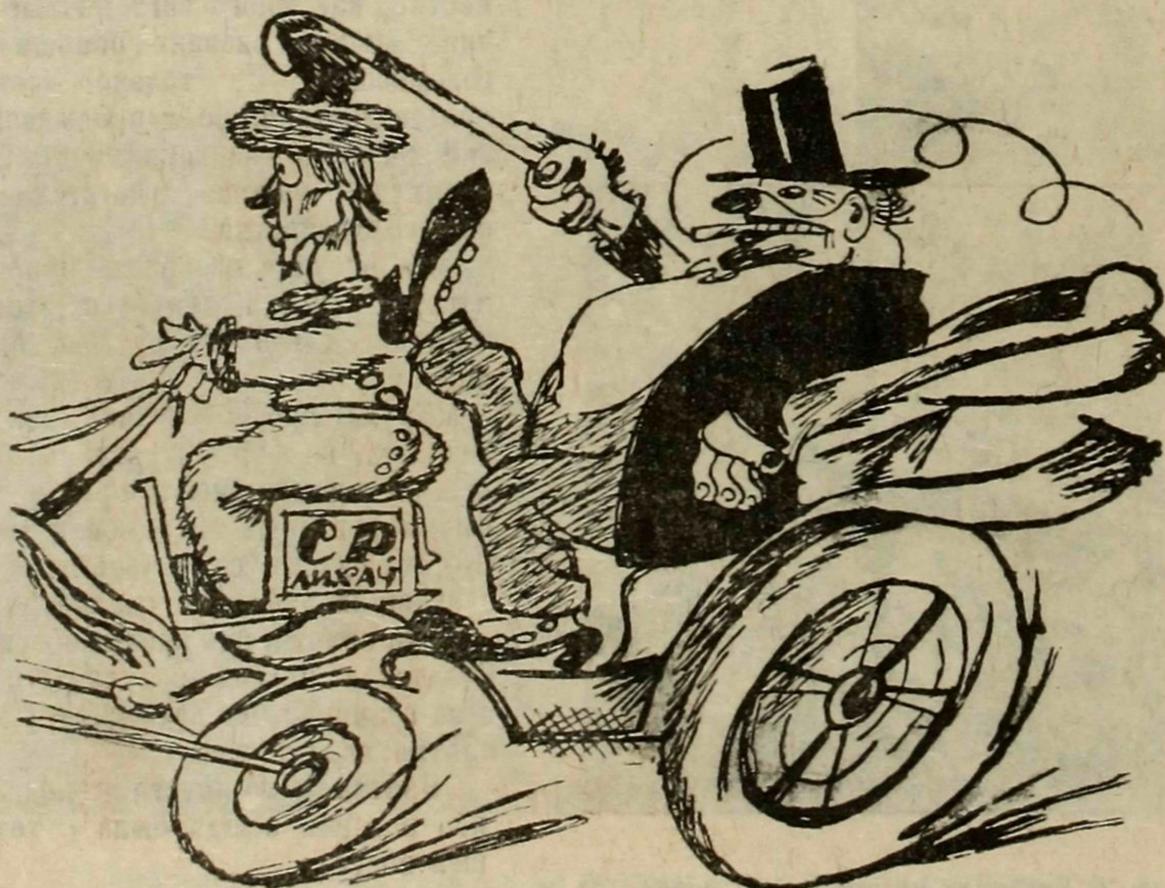
С. Т.

Остерегись, Максим!

Гляди, как бы и тебя не пришлось зачеркнуть!..

ЛИХАЧ

Эй, Лихач, гони-ка к белым,
Эй лихач, гони-ка вскачь,
И под палкой оголтело
Рвет и мечет наш лихач.

* * *

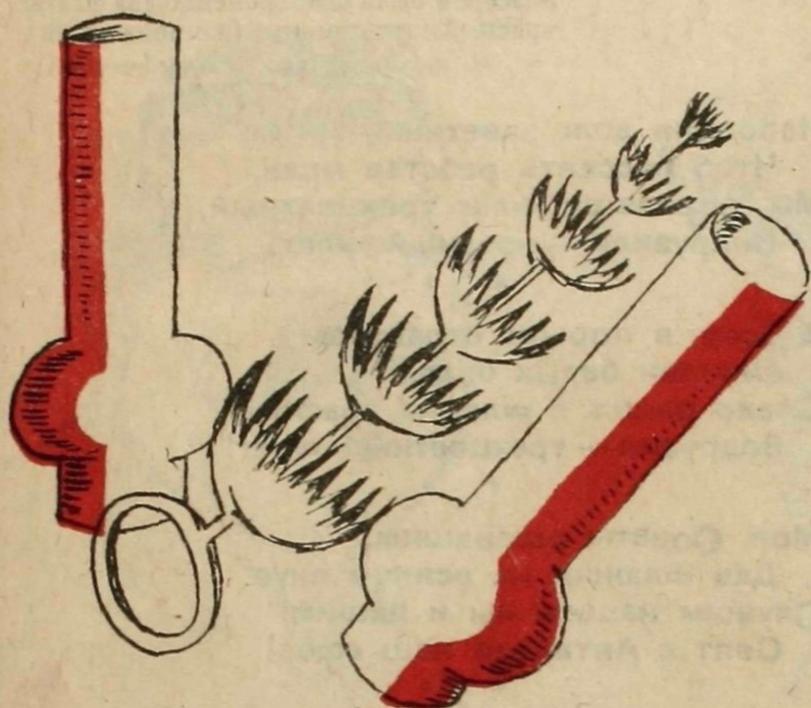
День и ночь он лошадь правит
Все правей, правей, правей,
День и ночь он мнет и давит
Сотни, тысячи людей.

* * *

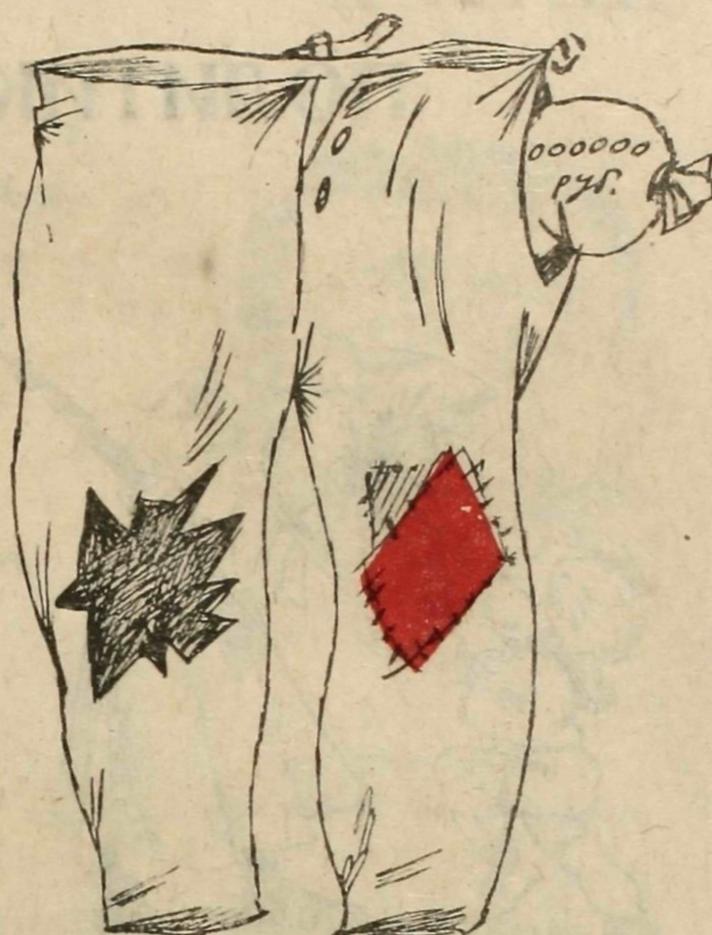
Но с усердия большого
Оборвал лихач узду,
В суд попал Лихач бедовый
За преступную езду..!

Музей редкостей.

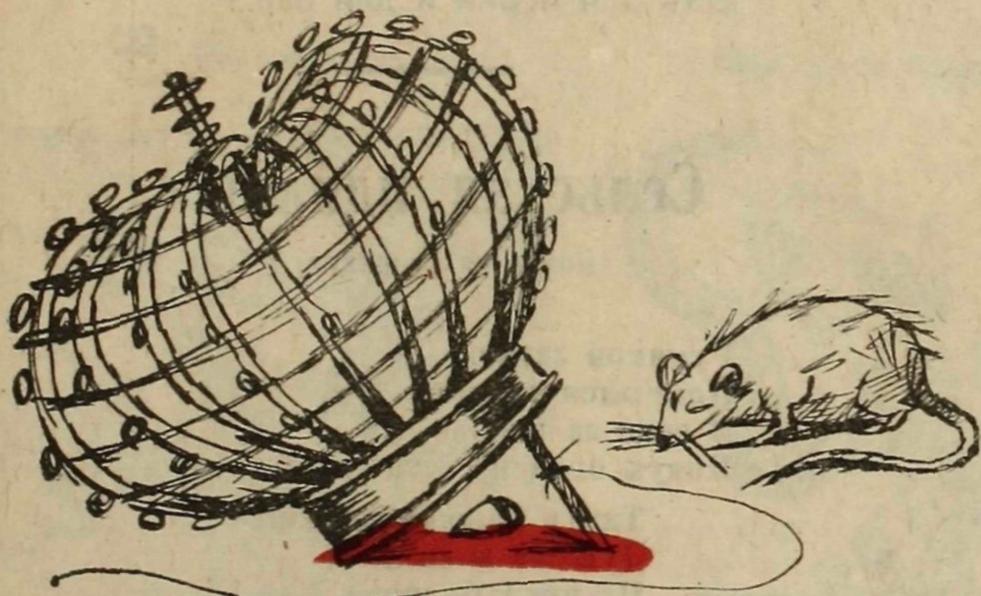
Рис. худ. М. Черемных.

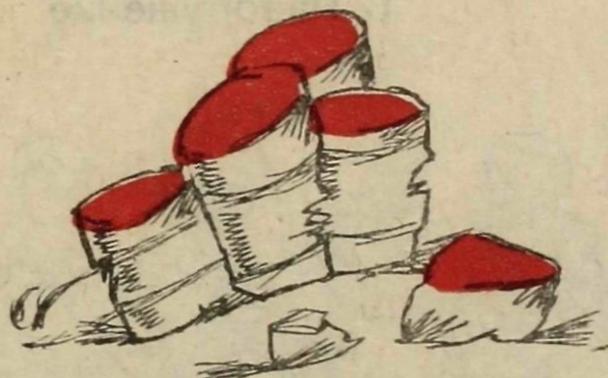
Ламповая щетка, сделанная английскими рабочими из усов Ллойд-Джорджа.

Брюки эс-эра, слегка потертые от ползанья перед капиталом.

Корона, которая не годится даже для мышеловки (Мышей, и то не надуеть!).

Несколько пробок с пробкового пояса Милюкова, оставшихся от долгого плавания по Дарданельскому п. оливу.

Последний экземпляр московского мальчика, не торгующего папиросами.

Бидон молока, разбавленный только несколькими стаканами воды.

ДЕТИ и ПОЛИТИКА.

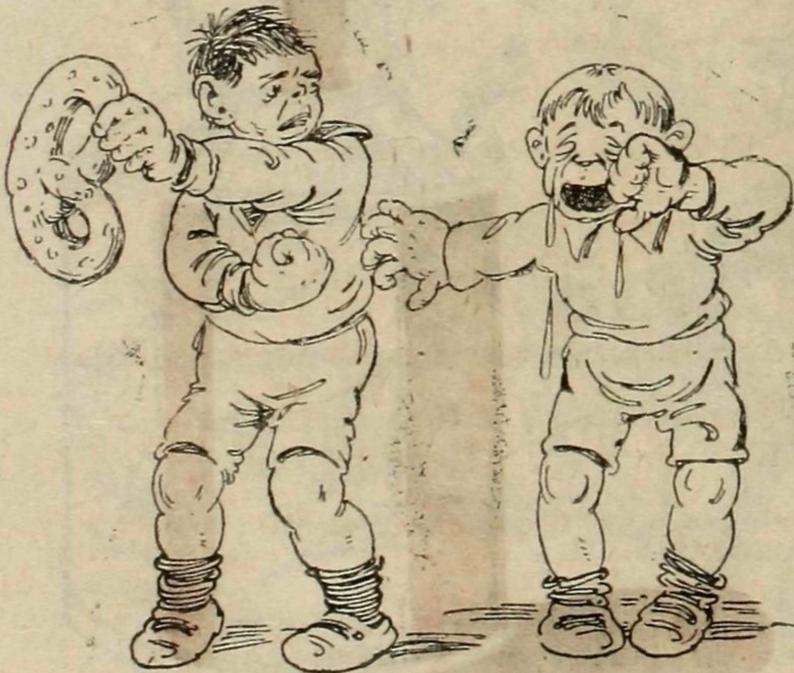
Рис. худ. Фридберга.

1. Разоружение.

2. Гаагская конференция.

3. Версальский мир.

И нашим, и вашим...

У эсеров были одновременно два флага: красный и трехцветный (национальный).

Из показаний свидетеля Дедусенко.

Исполняя долг заветный,
Чтоб рассеять рабства мран,
Мы, сорвавши флаг трехцветный,
Водрузили — красный флаг!

* * *

А эсер, в порыве страстном
Ожидая белых благ,
Смело рядом с флагом красным
Водрузил — трехцветный флаг!

* * *

Мол, Советы ошарашим,
Дав флажки на всякий вкус:
Служим нашим мы и вашим!
Свят с Антантой наш союз!

* * *

Так, эсеры, флаг наш алый
Превратили вы в товар:
— „Попутатель, к нам пожалуй!
Есть для черни и для бар..!“

Д.

Сельская идиллия.

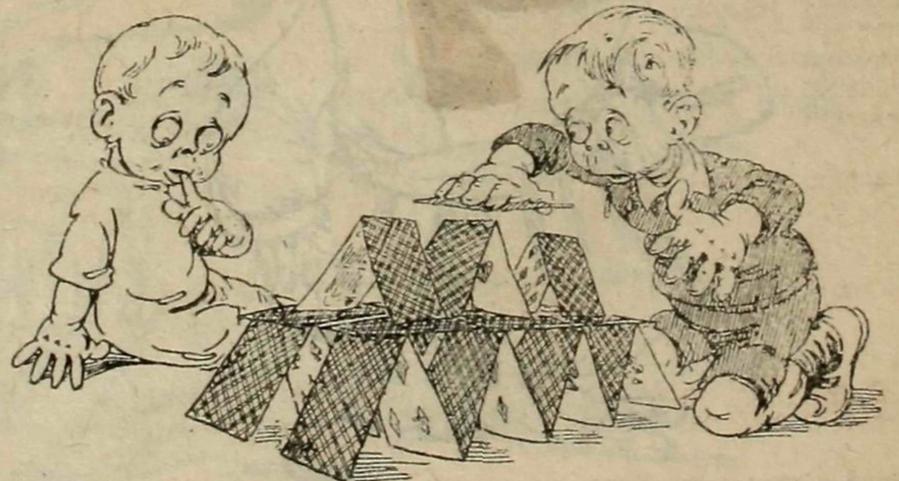
(Почти из Пущвина).

Румяной зарею
Покрылся восток.
В селе за рекою
Потух огонек.

Там в каждом домишке
Душист и силен,
Из чистого жита
Бурят самогон.

И сельские власти
Пришли, — у окна, —
Попробовать крепкой-ли
Вышла она.

Мих. Артмонов.

4. Восстановление европейск. хозяйства

СТРАНИЧКА ИНОСТРАННОГО ЮМОРА.

Шаржи на членов германского правительства.

Фридрих Эберт.

Фил. Шейдеман.

Густав Носке.

(Из американ. журн. „Либератор“).

Мясники.

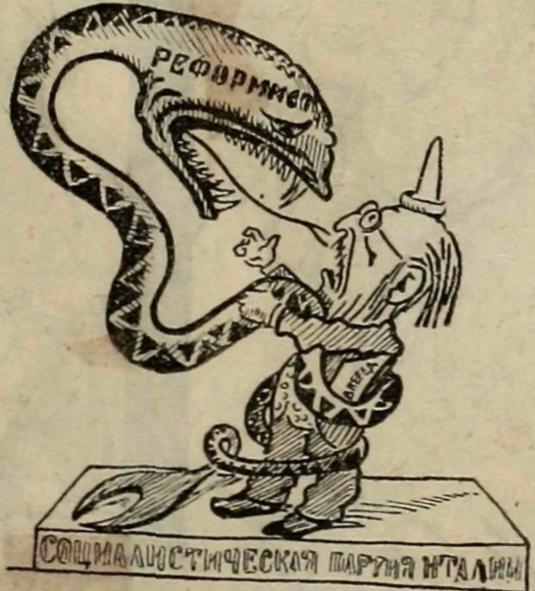
Что ждет Серрати?

Итальянский король на с-х. выставке.

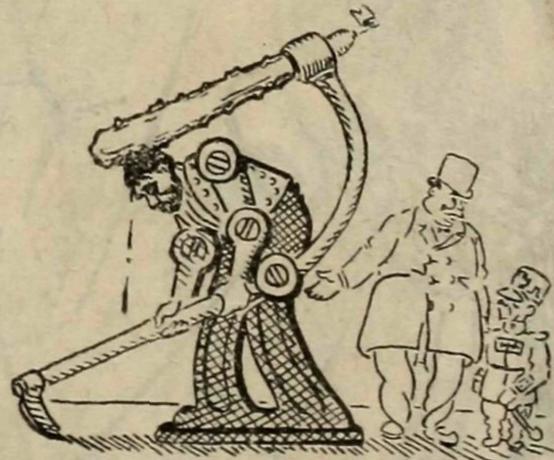
Бриан и Ллойд-Джордж.

Из приложения к газете „Манчестер Гардиан“.

Гадюка сожрет шарлатана.

„Из Итальянской газеты „Ордине Нуола“.

„Вот замечательная земледельческая машина: она приводится в действие палкой!..“

Открыта подписка на ИЮЛЬ и АВГУСТ

„Рабочая газета“ уделяет особое внимание защите интересов рабочих в частных и государственных предприятиях.

ВЯ „РАБОЧУЮ ГАЗЕТУ“.

„РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“ газета не для рабочих, а газета самих рабочих. Главное место на ее страницах уделяется статьям, письмам и корреспонденциям рабочих. Собственные корреспонденты заграницей. Много рисунков, каррикатур.

По воскресеньям „РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“ выходит с бесплатным, для подписчиков, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМ и САТИРИЧЕСКИМ ПРИЛОЖЕНИЕМ.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: в Москве и в провинции с доставкой и пересылкой на июль 80 руб., на август—100 р. Можно подписываться сразу и на два мес. Подписная плата **увеличена не будет**—

Подписка должна адресоваться исключительно в Главную Контору газеты „РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“: Москва, Страстной бульвар, Путинковский пер., д. № 3 (быв. „Утро России“). Суммы указаны в дензнаках образца 1922 года.

ЖЕНИТЬБА (по Гоголю).

Рис. худ. Ив. Мамонтова.

Все попытки германской монархической реакции обречены на крушение (Из газет).

Сваха: Куда ты, окаянный! Невесточка совсем **под венец** собралась, а он—в окошко!

ОТ РЕДАКЦИИ: Следующий номер иллюстрированного и сатирического приложения к „Рабочей газете“ будет специально посвящен „Нижегородской ярмарке“ и выйдет в воскресенье 30 июля с. г.